

Древние фтирофаги и русский экспрессивный этноним *колбиты**

А. И. ГРИЩЕНКО

Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, RU-119991 Москва
E-mail: alexander@grishchenko.ru

(Received: 30 July 2014; accepted: 19 September 2014)

Abstract: This article deals with the hypothetical connection between the Russian ethnic slur *kolbit* ‘a Kazakh, especially rural’ used by Russian speakers in Kazakhstan up to the end of the 20th century and the ancient tribe *phtheirophagoi* ‘lice-eaters’ mentioned by many authors in Antiquity. This tribe was placed by Ptolemy to Asiatic Sarmatia beyond the Lower Volga, the present-day location of the Kazakhstan steppes. Young Russian-speaking respondents have almost forgotten the meaning and connotations of the word *kolbit*, but their elders remember it as a very derogative term deriving from Kazakh *bit* ‘a louse’ and even translate it as ‘a lice-eater.’ However, it is impossible to etymologize *kolbit* as a word of Kazakh origin. It may be of Russian origin connected with the root *kol(o)b-* ‘something round’ or ‘something chopped off’ (in particular, ‘a wooden block’) compared with the Russian ethnic slur *churka* ‘a non-ethnic Russian, especially from Central Asia’ (literally, ‘a chunk of unworked wood’). These slurs could be linked with the rite of circumcision practiced by Muslims. The article also contains an ethnolinguistic analysis of folk nicknames with *louse*-components based on lexicographical data and field records gathered in Kazakhstan in 2012 and 2013.

Keywords: Russian language, Kazakhstan, ethnolinguistics, dialectology, etymology

Памяти проф. Анастасии Филимоновны
Войтенко (1929–2007)

В русской речи Казахстана, особенно в относительно недалеком прошлом, использовался крайне пейоративный этноним *колбі́ты* (или, чаще, но этимологически, как будет показано ниже, неправильно, в другом написании – *калбі́ты*) ‘казахи, преимущественно выходцы из сельской местности’, ср. сообщение на специализированном форуме «Городские диалекты» (<http://forum.lingvo.ru> – дискуссионная площадка словарного онлайн-проекта ЯРГ):

* Автор выражает сердечную благодарность всем тем, кто помог ему при написании этой статьи ценными советами и организацией полевых исследований в русских старожильческих селах Семиречья: проф. Игорю Добродомову, проф. Екатерине Огольцевой (МПУ), проф. Елене Гуц (ОмГУ), проф. Бируте Ясюнайте (Вильнюсский университет), Евгению Казарцеву (НИУ ВШЭ, СПб. – UGent), клирикам Астанайской и Алмаатинской епархии прот. Евгению Бобылеву, игум. Игнатию (Сидоренко), иером. Евгению (Ларионову) и в особенности иером. Аверкию (Белову), а также Сергею Зыркину и всем гостеприимным информантам.

Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов наук МК-3307.2013.6, проект: «„Своя“ и „чужая“ этничность в русской лексике и фразеологии».

- (1) Колбиты – так называют казахов русские, живущие в Казахстане. Причем оттенок – резко негативный, подразумевает крайнюю отсталость, плохое знание русского языка и т. п. *Иногда даже городские казахи так называют казахов – выходцев из аулов (деревень)*. Вариант – колбитня (27 февр. 2008 г., пользователь ЗакаТ).¹

Замечание о том, что словом *колбит* могут пользоваться сами казахи, свидетельствует о его возможном употреблении также в качестве социального, а не только этнического термина, но в любом случае его принадлежность грубому просторечию очевидна, по крайней мере по свидетельству моих казахстанских информантов, относящихся к алма-атинской интеллигенции. Данное слово удивительным образом не попало ни в один из многочисленных жаргонных и диалектных словарей русского языка, выпускаемых в России, как и ряд других экспрессивных этнонимов, распространенных в современной русской речи Казахстана (см. Грищенко 2009: 331–334), однако англоязычной литературе оно известно, в том числе получило своеобразное лексикографическое отражение, причем с попыткой этимологизации:

- (2) Russian in Central Asia: **kolbity** (*from name of a parasite*) Kazakhs (by Russian Cossaks) (LEMON 1996: 27).
- (3) Tales of ethnic slurs by high Russian officials suggesting ranked differences with Kazakhs are the stuff of urban folklore. One story concerns Brezhnev, who was then second secretary of the Communist Party of Kazakhstan. A studio director, Semenov, had an appointment with him, yet had to wait for a long time, and there was a Kazakh petitioner already in line ahead of him. The Kazakh said that he only needed a few minutes. [...] Then the Kazakh left, and the studio director went into Brezhnev's office. Brezhnev immediately wanted to let off the steam, saying, "Opiat' eti kolbity negramotnye" ["Once again, these illiterate lice"]. This particular slur, *kolbit*, or *lice*, dates back to Cossack times, and is a reference to what was then seen as the nomads' parasitic relationship to the land... (LAITIN 1998: 175).
- (4) **колбиты**, *m. pl.* [kolbity]: Ethnic slur for Asians from Siberia or Central Asian Republics. «Поскольку казахов тогда в Алма-Ате было явное меньшинство, они не нашли понимая у зрителей. Тогда „колбиты“ начали отламывать куски мраморной облицовки и бросать в зевак» (Дмитрий Корчинский: *Война в толпе*, 1998) (BOUTLER 2011: 68).

Если отвлечься от некоторой неточности в толковании слова *колбит* (здесь оно представлено именно в таком написании), то прежде всего обращает на себя внимание соотношение его в примерах (2) и (3) со значением 'вошь', причем остается неясным, в каком языке – русском или казахском. Речь здесь идет, конечно, о народно-этимологическом сближении с каз. *бит* 'вошь' (по-казахски звучит скорее как *бийт* – с дифтонгом), с которым меня в 2007 г. с большими предостережениями познакомила проф. А. Ф. Войтенко –

¹ Здесь и далее в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, курсив мой – А. Г.

выдающийся русский диалектолог, выросшая и проведшая юность в Алма-Ате 1930–1950-х гг. Тогда мне было сказано, что этим словом ни в коем случае нельзя заниматься, тем более писать о нем, поскольку оно смертельно обидно для казахов и за его употребление могут даже убить. Судя по данным моих полевых исследований в ноябре 2012 года среди студентов Алма-Аты и в октябре 2013 года в г. Алма-Ате и русских селах Алма-Атинской области, степень оскорбительности этого слова уже не столь велика, поскольку оно постепенно забывается и выходит из употребления, особенно в речи молодого поколения казахстанцев. Что же касается его происхождения, то проф. Войтенко рассказала об этом с еще большим трудом и еле сдерживаемым отвращением:

- (5) *Бит* по-казахски – вошь. Это потому, что самые дикие, самые нецивилизованные казахи... *едят этих вшей!* (2007, Москва), –

и это сообщение парадоксальным образом совпало с многочисленными свидетельствами античных и средневековых авторов о племенах фтирофагов – вшеедов. Впервые в качестве вшеедов (или, в иной интерпретации, шишкоедов) упоминается некое племя будинов, северных соседей савроматов, – в «Истории» (450–420-е гг. до Р. Х.) Геродота, IV. 109: «Οἱ μὲν γὰρ Βουδῖνοι ἐόντες αὐτόχθονες νομάδες τε εἰσὶ καὶ φθειροτραγέουσι μοῦνοι τῶν ταύτη (= Будины – коренные жители страны – кочевники. Это – единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками)», в английском переводе – «eat fir-cones» (HERODOTUS 1928: 308–309, ГЕРОДОТ 1972: 214). Представленная в переводах Геродота конъектура (‘вшееды’ → ‘шишкоеды’) принималась далеко не всеми (см. обзоры мнений в работах на русском языке: Мищенко 1898, Турчанинов 1946, Беляев 1964), а, например, Ф. Г. Мищенко видел в этом свидетельстве Геродота явное указание на реальный обычай кочевников: «...гораздо важнее, что этот самый обычай наблюдается у сибирских и уральских инородцев угрофиннского и манчжурского происхождения, гораздо важнее потому, что навѣрное къ числу этихъ инородческихъ племень должны быть относимы и Геродотовскіе будины» (Мищенко 1898: 81), – и далее следуют примеры фтирофагии у айнов, тунгусов, камчадалов, гиляков, остяков, абаканских татар Енисейской губернии.

Страбон в своей «Географии» (I в.) называет фтирофагов (φθειροφάγοι) в числе племен, живущих близ Питиунта – Диоскуриады (совр. Абхазия) (XI. 2, 14, 19); примерно там же помещают их Помпоний Мела, Плиний Старший (I в.) и Арриан (II в.), зато Клавдий Птолемей (II в.) локализует их принципиально в другом месте – к востоку от реки Ра, т. е. как раз на территории современных степей Казахстана («География» V. 9. 17): «...ἀπ’ ἀνατολῶν τοῦ Ῥᾶ ποταμοῦ Φθειροφάγοι» (PTOLEMAEUS 1845: 41). Сейчас довольно сложно судить, в каких из сочинений сведения о вшеедах основывались на неких реальных сообщениях, а в каких являлись просто литературным топосом. Последних, безусловно, большинство, особенно у более поздних византийских авторов, однако в некоторых – весьма достоверных – средневековых

источниках обычай фтирофагии описывается применительно к реальным народам, причем тюркским. Наиболее красочное описание донес Ибн Фадлан в книге о своем путешествии на Волгу в 921–922 гг.: «...попали в страну народа из [числа] тюрок, называемого башкиры. [...] Они бреют свои бороды и едят вшей. [Вот] один из них тщательно исследует швы своей куртки и разгрызает вшей своими зубами. Право же, был с нами один человек из их числа, уже принявший ислам и служивший у нас. Однажды я видел, как он поймал вошь в своей одежде, он раздавил ее своими ногтями, потом слизнул ее и сказал, когда увидел меня: „Прекрасно!“» (Ибн Фадлан 1956: 130). О фтирофагии других тюрок – печенегов – в конце того же X в. сообщал Лев Диакон (см. Лев Диакон 1988: 82).

Однако есть ли какая-нибудь связь между устным сообщением проф. Войтенко о фтирофагии «колбитов» и известиями античных и средневековых авторов? Опять же, что перед нами – случайное совпадение, устойчивый топос или архаическая бытовая реалья? И действительно ли справедливо на этом основании возводить экспрессивный этноним *колбиты* именно к каз. *бит* ‘вошь’? Для ответа на эти вопросы мне пришлось проанализировать многочисленные упоминания данного слова в литературе на русском языке и провести опрос информантов – преимущественно русских старожилов казахстанского Семиречья (см. их список в конце статьи; имена зашифрованы по этическим соображениям).

Самая ранняя из обнаруженных мною литературная фиксация слова *колбиты* относится к 1930 г. – это охотничий очерк Валериана Правдухина «Камышовый человек», повествующий о быте «киргизов» (то есть, по нынешней этнографической таксономии, казахов) в хуторке Половинка (Зайсанская степь – равнина между Алтайскими и Саянскими горами, Юго-Восточный Казахстан). Местные «киргизы» изображены Правдухиным в рамках типичного колониального дискурса:

- (6) Меня, не раз видавшего бедных киргизов, поразило нищенство здешних кочевников. На них болтались вместо одежды жалкие, грязные лохмотья. Они не умели говорить по-русски и не просили подачки. Вплотную окружили они нас вместе с голодными собаками, когда мы расположились закусывать на траве. Изможденные лица их были неподвижны и невыразительны, как лики святых на старинных иконах. Молчаливой тоской плакали их глаза. Когда мы давали им по куску хлеба, они, отойдя в сторону, жадно глотали его и снова возвращались к нам.

До чего же безволен, беспомощен и нежизнедеятелен житель русских степей – киргиз! Кругом открыто лежат богатства: плодородная земля, масса ископаемых, птица, рыба, в степях посвистывают сурки, в горах множество всякого зверя, а киргиз целыми днями, сложив калачиком ноги, сидит в своей землянке – серый, испитой, грязный, оборванный, не умеющий ничего делать. За день семьей они съедают несколько горстей жареной пшеницы или пшена, иногда пьют чай. И это они получают от проезжих, как нищенскую подачку (Правдухин 1930: 343–344).

Приведенная Правдухиным характеристика образа жизни «киргизов» перекликается с той мотивацией слова *колбиты*, которая дается в примере (3) – в связи с «паразитическим» отношением кочевников к собственной земле. И в этом контексте, наконец, возникает само слово *колбиты* – в речи заглавного героя очерка Федора Савельича, русского выходца из соседней Сибири, причем без единого комментария к этому экзотизму, чье значение для незнакомого с ним читателя совершенно непонятно даже из контекста:

- (7) Богатств у нас много, на наш век хватит. А вот только сайгу и моралов напрасно запрещают бить. Они ж за границу перекочевывают, как *колбиты*. Все дальше и дальше от нас. [...] Промыслу много китайцы вредят. У них там, в верховьях Черного Иртыша, учуг – железная решетка поставлена. Рыба икру метать идет вверх, а осенью обратно скатывается, а тут ее не пускают. *Колбиты* китайские и заведуют этими решетками (Правдухин 1930: 349, 355).

Любопытно, что в речи Федора Савельича встречаются лексические приметы северновеликорусского наречия (например, слово *баско*), носителями коего были многие группы русских старожилов Сибири, а значит, вполне вероятно, что герой очерка окол, поэтому орфографическую запись *колбиты* – именно через *о*, а не *калбиты* – можно признать свидетельством реального произношения этого слова в окающих говорах, то есть этимологически это более верная форма.

Более поздние примеры употребления слова *колбиты*/*калбиты* в литературе свидетельствуют о его распространении в том же значении и за пределами собственно Казахстана – на Алтае и в Западной Сибири, где русские жители также сталкивались в быту с казаками:

- (8) Карсакбай мычит и еще ту же втыкает голову в живот Варнавы. – *Калбит проклятый*. Спи уж, ладно (М. Величко, В. Величко: Гибель [роман о гражданской войне, действие происходит в 1919 г.]. *Сибирские огни* 1933/12: 107).
- (9) Зовет полковница раба: // «Эй, Увенькай! На дуэли, ты слышал, Пушкин твой убит? // Предерзок этот был пиит. Его остроты надоели!» // Раб Увенькай в дверях стоит. // «Ты слышал – Пушкин твой убит? // Да. Он убит. А ты, *калбит*, сегодня мною будешь бит...» (поэма Леонида Мартынова «Правдивая история об Увенькае, воспитаннике азиатской школы толмачей в городе Омске» [1935–1936]; см. Мартынов 1986: 543–544).²
- (10) Поохотившись вдоволь, Сотниковы вечером отдыхали на берегу озера Айна-Куль и ели вареных уток. В ауле закончилась дойка кобыл, и пастух гнал их на водопой. Охотники подошли к табуну. Сотников-сын крикнул вызывающе: – Эй, ты, *калбит*! Зачем пасешь коней на нашем поле? Зачем

² В примечаниях к тексту: «В поэме преломились впечатления молодого Мартынова от общения с казаками, жившими в ауле Каржас на левом берегу Иртыша, против Омска» (см. Мартынов 1986: 722); «*Калбит* – слово, оскорбительное для казахов» (Мартынов 1986: 723). В первом издании поэмы в этом слове допущена опечатка: «...А ты, *калоит*, сегодня мною будешь бит» (*Сибирские огни* 1937/4: 68).

топчешь урожай? (Зеин Шашкин: Утро Семиречья [действие повести происходит в 1920 г., автор по происхождению казах]. *Советский Казахстан* 1955/12: 46).

- (11) ...любила тетя Нюра новые словечки [...] «*Калбит* ты, Онька», – вот так, истинный крест, сказал. *Калбит* – инородец, то бишь... (Э. Н. Горюхина: Заковряжино мое [автор из Новосибирска, рассказывает о родной деревни Заковряжино Сузунского района Новосибирской области]. *Литературное обозрение* 1983/10: 95).
- (12) А из могилы твою семью киргизы вытянули. Они коней нам привели. Не забыл? С тех похлебок твои дети на ноги поднялись. Помнишь? А у тебя и по сей день для них другого названия нема, кроме як «*калбит* *немытый*» (Николай Скрамный: Перелом [из речи персонажа; действие происходит во время Гражданской войны в Казахстане; автор родился и вырос в Акмолинской обл. Казахской ССР]. *Север* 1986/12: 14).
- (13) «Гадство, гонят отовсюду, жизни нет нигде, хоть ложись и помирай! *Калбит толсторожий, дурак!*» – реакция героини романа В. И. Ермоловой «И жизни пир веселый» (Киев, 1990, с. 39) на то, как объездчик-«киргиз» ударил ее кнутом: «...яростно матерившийся рыжий киргиз в лохматой бараньей шапке» (38) [действие романа происходит в Шипуновском р-не Алтайского края].
- (14) Над бараками и саманными мазанками взвивались дымы. Рядом, на крышу одноэтажного общежития, поднимали новый лозунг из составных фанерных частей: «Пусть крепнет дружба нар...» Дело не ладилось. Ветер доносил обрывки ругани. – *Да мы вас, калбитов, ссать научили стоя!*³ Не учи его, понимаешь! Делал бы тогда один. Заходи, говорю, слева... Тяни, тяни на себя! – кричал один. Другой отвечал ему сплошным матом с казахским акцентом (Элеонора Корнилова: Чтоб только не было войны [действие повести происходит в кон. 1950-х – нач. 1960-х гг. в маленьком казахстанском городке]. *Урал* 1991/4: 30);
- (15) ...начало перестройки Казаха из рядового жолдаса в партийного Бая я запомнил: эту перестройку начала партия. *Калбитня вишивая*, трахомная, им что по голове, что по этому столу (раздастся «каля-баля, каля-баля»), а их тащат в руководство – этот припев впервые и надолго я услышал в доме секретаря райкома по сельскому хозяйству И. С. Казачкова (Александр Мелихов: Изгнание из Эдема. Исповедь еврея [действие происходит в 1960-е гг. на Севере Казахстана, в г. Степногорске]. *Новый мир* 1994/1: 69).

Как видно из приведенных примеров, слово *калбит* (здесь оно представлено именно в таком написании) вполне могло попадать на страницы со-

³ Выделенная фраза представляет одну из мифологем русского колониального дискурса в Средней Азии, связанную с тем, что, как известно, в исламском туалетном этикете рекомендуется мочеиспускание в положении сидя даже мужчинам. На нее, например, обратил внимание Петр Вайль в описании путешествия по Средней Азии: «Попавший в эти края новичок едва ли не каждый день слышит расхожий сарказм „Мы русским благодарны. Русские нас научили трем вещам: пить водку, ругаться матом и ссать стоя“» (ВАЙЛЬ 2003: 335; см. также на ту же тему в исследованиях постколониальной русской литературы: ШАФРАНСКАЯ 2012: 422).

ветских изданий, даже казахстанских (10), при этом оно, конечно, выступало в основном в качестве резко негативной речевой характеристики персонажа – носителя низовой речевой культуры (как сельской, так и городской), в которой нередко были проявления бытового шовинизма, так что инвективность данного слова могла усиливаться оценочными атрибутами *проклятый* (8), *немытый* (12), *толсторожий* (13) и преобразованием в собирательную форму – *калбитня вишивая* (15). Экспрессивность его была, вероятно, настолько велика, что в примере (11) произошла деэтнонимизация и переход в разряд ругательств, не имеющих уже этнической привязки. Данный процесс зафиксирован и в диахронии: так, в жаргонизированном просторечии г. Омска, где со словом *калбит* были хорошо знакомы еще в 1930-е гг. (9), оно до недавнего времени употреблялось только в значении ‘пьяница, алкоголик’ (Гуц 2011: 26). Источник этой словарной дефиниции – «записи устной речи подростков, сделанные нами в средних учебных заведениях г. Омска, опросы респондентов в группах подростков по специально разработанной методике, результаты анкетирования, семантического и ассоциативного экспериментов» (Гуц 2011: 4). В личной переписке со мной автор словаря, проф. Е. Н. Гуц, сообщила, что слово *колбит* (несмотря на акающее произношение, записано именно так) зафиксировано в ее картотеке жаргонных, просторечных и диалектно-просторечных слов 1992–1994 гг., в которой есть контексты, где актуализированы также значения ‘неприятная личность’, ‘неопрятный, грязный, опустившийся человек’. Это слово, по свидетельству проф. Гуц, было мало распространено и в 1990-е годы, а сейчас полностью вышло из употребления: например, подростки его совсем не знают.

А вот еще один обнаруженный мною пример употребления собирательной формы *колбитя*, никак не связанный ни с казахстанским ареалом, ни с этнической речевой агрессией (автор повести всю жизнь провел в Ленинграде, а действие происходит в некоем небольшом среднерусском городке, по всей видимости, Новгородской области):

(16) – Радуетса, что старик вперед нее помер, – шепотом пояснила мне Мария Филимоновна, видя мое недоумение. – А то остался бы немощный один и похоронить некому. А тут – все как у людей.

– Все вы мужичков раньше себя похоронить мечтаете, – буркнул я не без раздражения. – Небось и меня тоже...

– Молчи уж, дурак старый, *колбита безмозглая*!

Нет, я еще был, видимо, не слишком стар... (Б. Роцин: Не ко двору. *Аврора* 1979/6: 14).

Загадочное слово *колбитя* не зафиксировано ни одним диалектным словарем, однако его роль в качестве ругательства из примера (16) очевидна.

Что же касается происхождения собственно экспрессивного этнонима *колбиты/калбиты*, то одни авторы не имеют о нем никакого представления, отмечая странность данного слова для русского языка, а другие предлагают свои этимологические версии, ср.:

- (17) Казахи, которых оттеснили вглубь страны, стали русской администрацией называться «киргизами»: так было проще, чтобы не мешать слово «казах» с «русским казаком». Русские стали называть себя «чалдонами», а казахи получили еще пренебрежительную кличку «колбитов» – *откуда пошли эти названия, один Господь знает* (Евгений Сомов: Обыкновенная история в необыкновенной стране. Санкт-Петербург, 2001. 7).
- (18) «Колбит» – оскорбительное, означающее «нерусский». Никак не пойму: ведь употребляют его русские, когда хотят оскорбить местных жителей, а *славянские корни в этом слове не угадываются* (Ярослав Голованов: Заметки вашего современника [Кн. 18. Март–май 1962 г.: Москва–Фрунзе–Сусамыр–Туругарт–Ош–Памирский тракт]. Т. 1. Москва, 2001. 154).
- (19) У нас не было никакой национальной дискриминации – просто говорили: здесь живут Барановы, а там татары. Да еще ругались национальностями: казахов называли казаками, а обзывали киргизами, это хуже *калбита* («вшивый», что ли) [выделено в оригинале – А. Г.] (А. Мелихов: Изгнание из Эдема. *Новый мир* 1994/1: 43).
- (20) Русские называют казахов: «зверь», «черножопый», «чучмек», «чурка», «калбит», «узкоглазый». (Из этого набора поясню «калбит». Это прозвище возникло еще при царских колонизаторах. Изобрели его те русские, которые знали казахский язык. «Кал» – оставайся, «бит» – вошь. Следовательно, «калбит» должно означать: *везде оставляющий своих вшей.*) (КУЛМАГАМБЕТОВ 1985: 83).
- (21) По казахски [! – А. Г.] кал – человеческие испражнения; бит – вша. Получается «*говнистая вша*». Калбит – древнее и современное прозвище казахов Казахстана используемое в неофициальном общении и в различных бытовых ситуациях (Н. В. Гунькин: Казачий кулак против экспансии иностранцев. Москва, 1998. 10).

Со вшами связывали происхождение слова *колбиты* / *калбиты* и мои информанты, однако не все и по-разному:

- (22) – А какие-нибудь были такие / ругательные слова?
Ницц.: Ну / их так и называли / там калбиты их называли // Ну там и всякие / чурки / как хочешь называли // По всякому называли //
 – А калбиты / откуда такое слово?
Ницц.: Это *вшивый* значит // В переводе на русский язык / *вшивый* // *Калбит* //
 – Но слово-то это вроде не казахское //
Ницц.: Э... ну это *казахское* // Тока... э-э-э... они не любят его // На тебя скажи / *вшивый* / *хе-хе-хе* // Так и на него скажи калбит / он сразу же и оскорбится // (1 дек. 2012 г., г. Алма-Ата)
- (23) С. В.: Калбитами обзывали // [...] Ну это такое / позорное для них... Звери // Обзывали еще // Потому что / жестокие // [...]
 – А «калбит» что значит?
 С. В.: «Калбит» это... ну как? Я даже не знаю как перевести // Мы пытались / *дедушка переводил* / *гыт* // «Кал» / как / «говно» // «Бит» / по-казахски

«вша» // Вот // «Говняная вша» // (15 окт. 2013 г., Алматинская обл., разговор в дороге)

- (24) Т. Б.: ...мы / казахов / бывает эта / называют... ну как это...
– Как?
Т. Б.: Калбитами называют // (смех) Казáков //
– А что это за слово? Что оно значит?
Т. Б.: Ну вот они / мне даже казашка-то одна и говорит // Чо это такое / grit ну? Калбит эта / от слова «кал» / это сами знаете чо такое // А «бит» это / «вошь» // Ну / получается / «обосранная вошь» // [...]
– А казахи не знали этого слова?
Т. Б.: Они по седняшний день его не знают // (15 окт. 2013 г., г. Иссык Алматинской обл.)
- (25) Е. Н.: Она перевела / grit «бит» это «вошь» / а «кал» / это не подумайте что это «дерьмо» // Это слово «как» / у казахов // «Кал-калай» / например / «как дела?» // Вот / «кал» это «как» // «Кал-бит» / это «как вошь» // Просто у них / у них было такое / они не стирались никогда / они / не мылись не стирались // Поэтому они во вшивой одежде ходили // [...] И кстати / это их / именно ихнее название // Они сами назывались так / это / своих это недругов // Это не русское слово // (15 окт. 2013 г., г. Иссык Алматинской обл.)
- (26) – А вот еще мне говорили слово / каким казахов ругали //
М. В.: Какое слово?
С. В.: Калбит //
– А что это за калбиты такие?
М. В.: Ну вот это наши местные казáки!
– А что оно значит?
М. В.: Ну как значит / ну просто // Калбиты / казáки / это никакой разницы // А их / в лицо в ихном / так не называют // Обижаются / нельзя // Еще придерется // (15 окт. 2013 г., г. Иссык Алматинской обл.)
- (27) – Это из казахского языка слово?
М. В.: Нет / это с русского языка //
– В русском нет такого слова //
М. В.: Просто их стали так называть / и всё // [...]
– А что значит? Откуда происходит? Какое слово там внутри?
И. П.: «Кал» / это навоз // А «бит» / это вша // Вот они и соединили / и калбиты //
– А при чем тут вша?
И. П.: Ну оне же вшивые были // (15 окт. 2013 г., г. Иссык Алматинской обл.)
- (28) Н.: Киргиз / калбит вонючий // Бежит этот / Абдрасилов вон Карим / от такие сопли висят / а он за нами бежит еще / в детстве // Не бежи / уйди отсюдова / калбит вонючий сопли свои распустил / иди отсюдова от нас // А он бежит за нами / иураться хочет // А мы от него убеуаем //
– А «калбит» откуда слово / что значит?
В.: Они сами себя щас называют / от так уварит // Вот эти понаехали / калбитня / вот сами казахи / вот они же с нами жили / вот сколько / а вот эти вот... Понаехала вот эта калбитня //

– А почему слово такое ругательное?

Н.: Калбит / это как перевести... «уйди / уходи вошь» // (19 окт. 2013 г., с. Калиновка [Талдыбулак] Алматинской обл.).

Резкая пейоративность слова *колбиты* подтверждается всеми информантами, за его использование могут и побить (26), а когда оно всплыло в интервью (28), одна из информанток (самая старшая из них), до этого наотрез отказавшаяся сообщать о каких-либо прозвищах казахов, неодобрительно толкнула под бок Н., что можно интерпретировать как сигнал о непристойном характере этого слова. При этом в ряде случаев сообщается, что его могут использовать и сами казахи по отношению к другим казахам (25, 28), однако одни считают, что это слово собственно русское (26, 27), поэтому его казахи даже не знают (24), а другие – что казахское (22, 25).

Суммируя все предложенные в разных источниках этимологические версии слова *колбиты*, можно обнаружить, что во всех них выделяется компонент *бит* ‘вошь’, тогда как начальная часть этого слова либо вовсе оставляется без внимания, либо интерпретируется по-разному, в итоге внутренняя форма представляется следующими вариантами:

1. без интерпретации начального *кал-* – вообще ‘связанный со вшами’ (2); ‘паразитически относящийся к земле’ (3); ‘поедающий вшей’ (5); ‘вшивый’ (15, 19, 22);

2. с интерпретацией начального *кал-*:

а) в качестве повелительного наклонения казахского глагола – ‘оставайся’ (20), ‘уйди’ (28);

б) в качестве русского слова *кал* ‘экскременты’ (23, 24, 27); впрочем, однажды оно почему-то названо казахским (21);

в) в качестве казахского якобы сравнительного союза ‘как’ (25).

Ни один из информантов 2012–2013 гг. так и не повторил этимологической легенды проф. Войтенко (5), однако в одном из их рассказов, как мне представляется, она может получить вполне реальное объяснение, равно как и сообщения античных и средневековых авторов о вшеедах. На свою недоуменную реплику о том, что «раньше все вшивые были» – и русские, и казахи, – и это не объясняет отнесения прозвища *колбиты* лишь к последним, я получил такой ответ:

(29) М. В.: Раньше / раньше / оне все были чабанами // Сидит / у хозяина там / десять-двадцать баран / полсотни // Баран пасут // Наберёт // Сидит в косогоре / в солнопёке / на прилавке // Ходили в шубяных штанах // Обыкновенные шубяные штаны / знаете чо такое?

И. П.: Вниз шерсть / а сверху эта кожа //

М. В.: Вот // И снимает // Сидит на косогоре / солнопёке / та-та-та-та-та (изображает, как проводят между зубами штаны)... Вот это вшей ловит зубами // Давит //

– Давит? Не ест?

М. В.: Ну эта уже есть у их баранов хватает // (15 окт. 2013 г., г. Иссык Алматинской обл.).

Вполне вероятно, что для стороннего наблюдателя, особенно оказавшегося в рамках оппозиции «свой – чужой», подобного рода уничтожение вшей могло казаться их поеданием. Что же касается прозвищ, мотивированных словом *вошь* (и *гнида*), то они встречаются и внутри великорусского ареала, но употребляются по отношению к жителям соседних сел, ср.: (*аганинские*) *вши*, *вишвая дубрѡва*, *вишвая пѡйга*, *вишвые*, *вишвые пироги*, *вишвыи берѣзник*, (*истоминские*) *гниды*, а прозвище *вишвики* употребляется по отношению к жителям трех населенных пунктов (Воронцова 2011: 72, 80). Кроме того, такая мотивация коллективных прозвищ встречается и в других языках: например, в литовском языке (говор Зарасайского р-на Утенского уезда) используется выражение *ùtėlės kiaūlinės* – собирательное прозвище инородцев и иноверцев, буквально ‘свиные вши’ (устное сообщение Бируте Ясюнайте).

Однако, несмотря на то, что возникновение нового пейоративного прозвища на базе основы со значением ‘вошь’ типологически вполне допустимо, наличие в слове *колбиты* / *калбиты* данного компонента все же приходится признать плодом народной этимологии. Во-первых, если допустить, что компонент *бит* – это именно казахское слово ‘вошь’, то в целом данный композит, какую бы его форму ни считать первичной (с начальным *кол-* или *кал-*), нарушает тюркский сингармонизм, который довольно строго соблюдается в казахском языке. Во-вторых, для казахского языка не характерны подобного рода композиты. В-третьих, остается формально и семантически неясным начальный компонент *кал-* / *кол-*. Все приведенные выше этимологические «версии» не выдерживают никакой критики:

– русское слово *кал*, будучи церковнославянизмом, относится скорее к книжному (что, впрочем, не отмечается словарями),⁴ а потому маловероятно, чтобы именно его, а не более экспрессивные синонимы, стали использовать носители диалектов и просторечия для образования пейоративного прозвища, тем более соединять с казахским словом, да еще способом простого склеивания;

– повелительное наклонение от казахского глагола *қалу* ‘оставаться’ действительно имеет форму *қал*, однако при соединении с именной основой *бит* глагольный компонент оказался бы на втором месте, так что ожидалось бы нечто вроде **битқал* или, если соблюсти сингармонизм, **биткел* либо **бытқал*;

– казахское *қалай* ‘как? каким образом?’ (а не просто *қал*, которое, будучи существительным, значит ‘родинка’, см. Бектаев 1995: 269–271), в отличие от русского *как*, функционирует лишь в качестве вопросительного слова и не используется в сравнительных конструкциях, которые образуются при помощи аффикса *-дай*, т. е. сравнительный оборот ‘как вошь’ по-казахски – *биттей*.

⁴ Об этом, например, может свидетельствовать полное отсутствие иллюстративных примеров на это слово (кроме производных) из народной речи в словаре В. И. Даля, в т. ч. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ (Даль 2: 194), хотя на стилистически более низкие его синонимы они приводятся, ср. *говно*, *дер(ь)мо* (Даль 1: 895, 1072).

Мною обнаружен лишь один казахский текст, в котором употреблено слово *калбит* (в таком написании, которое в данном случае очень важно), – это роман классика казахской советской литературы Габдола Сланова «Асау арна / Буйное русло» (1957–1962). Среди действующих лиц романа – приказчик Пестов (*Федор мырза*), который, в отличие от других русских персонажей, свободно говорит по-казахски (русская речь других героев романа передается по-русски, без перевода на казахский), – именно в его репликах во время конфликта с казахом Аппаком мелькает интересующее нас слово, ср. казахский оригинал и более-менее вольный русский перевод Н. Голосовской (1971):

- (30) Осы тұста іштен атыла шыққан Пестов қолындағы имек басты темір қара таяғын ойнатып тұрып ақырып жіберді:
 – Бұл немене? Бунт? А-а, солай ма? Сен *калбит* пе бастығы? Кәне, берірек келіп айтшы? Не дейсің? [...]
 – Айтатын тілегіміз бар, – деді. – Сен тыңдамасаң Сергей мырзаның өзіне айтамыз.
 – Не дейсің? Қайта айтшы, *калбит*? – Пестов қалшылдап тұр еді.
 – Сенен боктықтан басқа жөн сөз ести алмаспыз. Саған айтпаймыз. Сергей мырза керек, – деп Аппақ қасарыса қасқия қалды.
 – Не дейсің деймін? Мен қожа емес пе екем, ә?
 – Жоқ! Сен қожа болуға татымайтын, дөрекі де топас, есерсоқ адамың. Саған айтқан сөз шығын...
 – А-а? Солай де, *калбит*! [...]
 Аппақтай қара казак, өзінің жалдамалы құлы мынадай сөз айтқанда Федор мырза қалай шыдасын-ау, «*калбиттен*» әрі аузына сөз түскен де жоқ (Сланов Г. *Асау арна*. Алматы, 1963. 196, 197).
- (31) Дверь распахнулась, и на крыльцо пулей вылетел Пестов. Подбрасывая в руке увесистую палку с металлическим набалдашником, он что есть сил заорал:
 – Что? Бунт? Ах, так! Ты, *калбит*, зачинщик, ну-ка подойди поближе! [...]
 – Просьба есть у нас. Но тебе говорить не будем, позови Сергея мирзу.
 – Что, что ты сказал? Повтори, *калбит*! – Пестов весь затрясся от гнева.
 – Тебе ничего не скажем, нужен Сергей-мирза. Позови!
 – А я что, тебе не хозяин?
 – Нет! Ты не хозяин над нами. И сказанные тебе слова – пустая трата времени.
 – А-а, вот как, *калбит*! [...]
 Да, все в порядке, и незачем больше сдерживать гнев, надо как следует проучить этого черномазого *калбита*. Пусть знает, как таякать на хозяина! (Сланов Г. *Степь да степь*. Алма-Ата, 1987. 422, 423).

Несмотря на то, что в слове *калбит* нарушен сингармонизм, в казахском тексте оно выступает именно в такой форме, и это говорит о том, что оно воспринимается здесь как русское вкрапление, поэтому в повествовании от автора, а не в реплике героя оно взято в кавычки, причем с уже собственно казахским аффиксом (*калбиттен* буквально ‘от калбита’), который фонетически гармонизирован с последним слогом основы *калбит*: именно так в казахском языке ведут себя иноязычные заимствования.

Исходя из этого, пейоративное прозвище *колбиты/калбиты* имеет не казахское, а собственно русское происхождение, о чем сообщали некоторые информанты, впрочем, уже не понимая его внутренней формы, и первичной является форма с *-о-*, которая фиксируется в более ранних источниках,⁵ и, таким образом, это слово должно члениться на корень *колб-* (восходящий к общеславянскому **kьlb-* ‘резать, рубить’ или ‘нечто круглое’, ср. противоречивый разбор многочисленных производных в ЭССЯ 13: 178–183) и редкий суффикс *-ит* с личным значением. О происхождении данного суффикса см. Kiss 1956, а также ср. такие древнерусские и диалектные производные с ним, как *рыбить* ‘рыбак’, *подобить* ‘подражатель’, *дѣлжѣбить* ‘должник’, *ворожѣбить* ‘враг’, *тажѣбить* ‘сутяжник’, *наимить* ‘наемник, работник’ *кѣрчѣмить* ‘развратник’, ‘содержатель корчмы’ (ср. Dulewicz et al. 1968), *ворожѣйт* ‘колдун, знахарь’, *молотѣйт* ‘молотильщик’, *волхѣйт* ‘колдун, знахарь’, *займѣйт* ‘должник’ (ср. Сороколетов–Одеков 2000). Ареал приведенных диалектных слов охватывает в основном Запад и Северо-Запад (смоленские, псковские, брянские говоры, а также русские говоры Латвии и Литвы) – предположительно тот самый ареал, где встретилось и экспрессивное образование *колбитá* (16), – хотя есть отдельные фиксации на Урале и в Южной Сибири, что уже соответствует территории расселения уральских и сибирских казаков. Потомками последних, как известно, были казаки семиреченские, с которыми и связывают происхождение слова *колбиты* (2, 3). Личный суффикс *-ит* задействован и в образовании названий жителей,⁶ более того, свою относительно недавнюю активность в этой роли он проявлял как раз в интересующем нас ареале: в Павловском районе Алтайского края зафиксировано слово *сибирѣиты* ‘коренные сибиряки’ (СРГС 4: 296).

Что же касается корня *колб-*, то он прекрасно семантизируется благодаря множеству суффиксальных образований, имеющих основное значение

⁵ Кроме того, городские жители Алма-Аты, носители русского литературного языка, по моим опросам, склоняются именно к такой его записи, хотя, судя по приведенным выше материалам из печатных источников, написание *калбиты* преобладает в последние десятилетия. Также, по рассказам алмаатинцев, назначение в 1986 г. на пост первого секретаря ЦК Компартии Казахской ССР Г. В. Кóлбина вызвало возмущение казахского населения во многом и из-за фамилии назначенца, которая устойчиво ассоциировалась с прозвищем *колбиты*, а потому это назначение воспринималось как издевательство Москвы над казахами, что привело к Декабрьским событиям в Алма-Ате (т. н. Желтоксан) и в целом способствовало развитию казахского национализма.

⁶ В этом случае он считается патронимическим по происхождению, ср.: «...если патронимы ед. ч. имели исход на *-ичь* (< **-itj*) (*Воимиричь, Сыповиць, Лукиничь*), то катойконимы, судя по малочисленным сведениям письменных источников XV–XVII вв., могли развивать дополнительный сингулятивный суффикс *-инь*, присоединявшийся к нейотированному суф. **-it-*. Имеются устаревшие ныне формы катойконимов ед. ч. *псковитин, москвитин, костромитин, тверитин, ржевѣитин*, соотносимые с плюральными формами *псковичи, москвичи, костромичи, тверичи, ржевѣичи* [...] Дефицит конкретного материала не позволяет, впрочем, уточнить, насколько регулярными являлись сингулятивы на *-итинь*, прежде всего для ранне-древнерусского времени, характеризовал ли суффикс единичности *-инь* весь объем катойконимов изучаемого типа либо только часть их» (Васильев 2012: 583–584).

‘обрубок дерева’ и несколько переносных, причем личных и, безусловно, экспрессивных: *калб́ан* ‘толстый обрубок дерева, чурбан’ (урал.), ‘ленивый, неповоротливый человек, лежебока, лентяй’ (перм., урал.) (СРНГ 12: 340), *колб́ан* ‘обрубок дерева, доски’, ‘неподвижный, человек’ (астрах.), *колба́шка* ‘небольшой обрубок дерева, доски’ (сарат.), *колбаши́ок* ‘деревянная чурка (рюха) для игры в городки’ (свердл.), *колбе́шка* ‘небольшой обрубок дерева, чурбан’ (пск.), *колби́тка* ‘утолщение на конце продолговатых предметов’ (вят.), *ко́лбушек* ‘небольшой обрубок дерева, чурбачок’ (свердл.), *колбу́шка* ‘обрубок дерева, чурбан’ (перм.), *колбячо́к* ‘небольшой обрубок дерева, чурбачок’ (пенз.), *колбя́шек* ‘то же’ (урал.), *колбя́шка* ‘обрубок дерева, полено’ (ряз.) (СРНГ 14: 112–113), ср. также украинский материал: *ковба́н* ‘короткий толстый обрубок дерева, употребляющийся вместо табурета’, *ковба́тка* ‘кусочек’, *ко́вбиця* ‘чурбань, на котором рубя́ть дрова’, *ко́вбок* ‘боле́е толстая часть дерева, уже отрезанная отъ вершины’, уменьшительно *ко́вбчик* (Гринченко 1908: 260–261). Дериваты с тем же корнем и значениями зафиксированы и в интересующем нас ареале: в Южной и Западной Сибири – *калба́шка* ‘чурочка, небольшой обрубок бревна, доски’ (СРГС 2: 22); на Южном Урале (и в Северном Казахстане), в говоре уральских казаков, – *колба́н* ‘толстый обрубок, чурбан, столб, бревно’, ‘полный человек’, ‘тупая голова, нерасторопный человек’, а также диминутивы *колба́шек*, *колбаши́чек*, *колбя́шек*; *колбу́ха* ‘нерасторопная женщина’, *колба́н* ‘толстая чурка’, ‘здоровый, полный человек’ (МАЛЕЧА 1976: 299–300).

При таком обилии суффиксальных производных вполне возможно добавить к ним еще одно, с суффиксом *-ит*, – и получить слово *колби́т*, которое, будучи мотивировано корнем со значением ‘обрубок дерева’, находит полную семантическую параллель другим, куда более распространенным экспрессивным этнонимам *чу́рка* и *чурба́н* (те же самые слова, но в прямом значении, неоднократно использовались в толковании производных с *колб-/калб-*), которые употребляются по отношению к представителям многих народов Средней Азии и Кавказа (применительно к казахам, в одном ряду с *калбита́*, см. примеры 20 и 22). Похожая мотивация встречается и во внутрирусских коллективных прозвищах (*чурки твердолобые* ‘русское население Кировской области’, см. Воронцова 2011: 228, 377), однако, на мой взгляд, для экспрессивного обозначения именно мусульманских «инородцев» была выбрана иная, глагольная, сема корней *колб-* и *чур-* – ‘резать, рубить’ (восходящих к и.-е. **(s)kelb-/*(s)kolb-* и **(s)keur-* соответственно), и связана данная мотивация с обрядом обрезания.⁷ Случайно или нет, но эту реконструируемую мною связь слова *колбиты* с обрезанием уловил один из героев уже цитировавшейся выше повести Александра Мелихова «Изгнание из Эдема» – Вовка

⁷ Ср. латинское наименование обрезания *circumcisio* – от *circum* ‘вокруг’ и *caedo* ‘резать’ (последнее восходит к тому же и.-е. корню, что и *чурка*), поэтому связь корней *колб-* и *кол-* ‘круг’ не кажется случайной, особенно если учесть, что чурки и колбаны представляют собой круглые в сечении обрубки.

Казачков, сын секретаря райкома, употреблявший, по всей видимости, индивидуально-оказиональное прозвище *обрезки* (т. е. 'обрезанные', здесь: 'казахи'):

- (32) Пока казахи знали свое место (исправно краснели), у нас в школе склонны были дразнить скорее джукояков [детей раскулаченных – А. Г.] («Пашанцо, пашанцо»), иной раз и забывавших о скромности. Но Вовка Казачков уже тогда выходил из стандартов: *обрезки, обкуски, калбитня...* (А. Мелихов: Изгнание из Эдема. *Новый мир* 1994/1: 69).

С деревянным лицом, стянутым засыхающей кровью, замирая от восторга, я вбежал в середину народного собрания. Все поле охнуло. Пахнуло пафосом, которого Вовка не переносил. Опережая вопль ужаса и гнева, он произнес тоном разочарованного знатока: «Ни хрена не умеют делать. Я его сразу узнал. – И, приглядевшись к моему заплывшему глазу, прибавил со вкусом: – *Калбита* сделали. *Обрезка*» (А. Мелихов: Изгнание из Эдема. *Новый мир* 1994/1: 73).

Итак, русский экспрессивный этноним *колбиты* не имеет никакого отношения ни к вшам, ни тем более к вшеедам, как бы ни было соблазнительно связать свидетельство проф. Войтенко с сообщениями античных и средневековых авторов, – а предложенная мною этимология этого слова демонстрирует сложность и нелинейность мотивации экспрессивной лексики, чья внутренняя форма имеет обыкновение очень быстро выветриваться, более того – обрастать целыми мифологическими сюжетами.

Список информантов

- В.* – жен., пенсионерка, родилась, выросла и живет в с. Калиновка (с 1999 г. Талдыбулак) Кербулакского р-на Алматинской обл., потомок русских старожилов Семиречья
- Е. Н.* – муж., церковный староста в г. Иссык Алматинской обл., р. 1958 г. в г. Талгар Алматинской обл., потомок русских старожилов Семиречья
- И. П.* – жен., жена *М. В.*, пенсионерка, г. Иссык Алматинской обл.
- М. В.* – муж., пенсионер, р. 1929 г. в г. Иссык Алматинской обл., где вырос и живет, потомок первых казачьих поселенцев ст. Надеждинской (ныне Иссык)
- Н.* – жен., пенсионерка, родилась, выросла и живет в с. Калиновка (с 1999 г. Талдыбулак) Кербулакского р-на Алматинской обл., потомок русских старожилов Семиречья
- Ниц.* – муж., нищий на паперти Вознесенского собора г. Алма-Аты, р. 1932 г. в Новосибирской обл.
- С. В.* – муж., водитель-дальнобойщик, г. Алма-Ата, р. 1953 г. под Алма-Атой, потомок русских старожилов Семиречья
- Т. Б.* – жен., пенсионерка, 1948 г. р., родилась, выросла и живет в г. Иссыке Алматинской обл., потомок русских старожилов Семиречья

Литература

- БЕКТАЕВ 1995 = БЕКТАЕВ К. *Большой казахско-русский словарь*. Алматы, 1995.
- БЕЛЯЕВ 1964 = БЕЛЯЕВ В. Ф. К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима *φθειροφάγοι*. *Вестник древней истории* 1964/3: 130–136.
- ВАЙЛЬ 2003 = ВАЙЛЬ П. Л. *Карта родины*. Москва, 2003.
- ВАСИЛЬЕВ 2012 = ВАСИЛЬЕВ В. Л. *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. Москва, 2012.
- ВОРОНЦОВА 2011 = ВОРОНЦОВА Ю. Б. *Словарь коллективных прозвищ*. Москва, 2011.
- ГЕРОДОТ 1972 = ГЕРОДОТ: *История в девяти книгах*. Ленинград, 1972.
- ГРИНЧЕНКО 1908 = ГРИНЧЕНКО Б. *Словарь української мови*. Т. 2. Київ, 1908.
- ГРИЩЕНКО 2009 = ГРИЩЕНКО А. И. Отражение социокультурной дифференциации современного общества в русской экспрессивной этнонимии рубежа XX–XXI вв. *Преподаватель XXI век* 2009/2: 328–335.
- ГУЦ 2011 = ГУЦ Е. Н. *Идеографический словарь жаргонно-просторечной лексики: 1985–2010 гг.* Москва, 2011.
- ДАЛЬ = ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. Санкт-Петербург–Москва, 1912–1914.
- ИБН ФАДЛАН 1956 = *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.* Статьи, переводы и коммент. А. П. Ковалевского. Харьков, 1956.
- КУЛМАГАМБЕТОВ 1985 = КУЛМАГАМБЕТОВ Махмет: По поводу национального и экономического гнета в СССР. *Форум. Общественно-политический журнал* 12 (1985): 73–95.
- ЛЕВ ДИАКОН 1988 = ЛЕВ ДИАКОН: *История*. Москва, 1988.
- МАЛЕЧА 1976 = МАЛЕЧА Н. И. *Словарь русских народных говоров среднего и нижнего течения р. Урала (диалект уральских, яицких, казаков)*. Т. 2. Ч. 1. Уральск, 1976. [Машинопись с рукописной правкой. Российская государственная библиотека, ЦСБ 23Б/Рус./М18.]
- МАРТЫНОВ 1986 = МАРТЫНОВ Леонид: *Стихотворения и поэмы*. Ленинград, 1986.
- МИЩЕНКО 1898 = МИЩЕНКО О. Г. Геродотовские вшефды. *Филологическое обозрение. Журнал классической филологии и педагогики* 1898/2: 73–88.
- ПРАВДУХИН 1930 = ПРАВДУХИН Валериан: *Годы, тропы, ружье*. Москва–Ленинград, 1930.
- СОРОКОЛЕТОВ–ОДЕКОВ 2000 = СОРОКОЛЕТОВ Ф. П., ОДЕКОВ Р. В. *Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров*. Санкт-Петербург, 2000.
- СРГС = ФЕДОРОВ А. И. (ред.) *Словарь русских говоров Сибири*. Т. 1–5. Новосибирск, 1999–2006.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–46. Ленинград–Санкт-Петербург, 1965–2013.
- ТУРЧАНИНОВ 1946 = ТУРЧАНИНОВ Г. Ф. *φθειροφάγοι* писателей классической древности. *Иберийско-кавказское языкознание* 1. Тбилиси, 1946. 401–404.
- ШАФРАНСКАЯ 2012 = ШАФРАНСКАЯ Э. Ф. Постколониальная русская литература как фаза литературы русского зарубежья (мотивы прозы Сухбата Афлатуни). В кн.: NEFAGINA G. (red.) *Powrócić do Rosji wierszami i prozą. Literatura rosyjskiej emigracji*. Słupsk, 2012. 420–428.
- ЭССЯ = ТРУБАЧЕВ О. Н. (ред.) *Этимологический словарь славянских языков*. Т. 13. Москва, 1987.

- ЯРГ = Словарь «Языки русских городов». <http://community.lingvo.ru/goroda>. [Дата обращения: 09 июля 2014 г.]
- BOUTLER 2011 = BOUTLER Charles: *Пиздец – Russian Slang Dictionary*. Düsseldorf, 2011.
- DULEWICZ et al. 1968 = DULEWICZ Irena, GREK-PABISOWA Iryda, MARYNIAK Irena: *Indeks a tergo do „Materiałów do słownika języka staroruskiego” I. I. Srezniewskiego*. Warszawa, 1968.
- HERODOTUS 1928 = *Herodotus with an English Translation by A. D. Godley*. Vol. 2. London–New York, 1928.
- KISS 1956 = Kiss Lajos: Formant *-it* w pol. *najmit(a)*, *wróźbit(a)*; ros. *наймі́т*, *ворожбі́т*; укр., brus. *на́йміт*, *ворожбі́т*. *Studia Slavica Hung.* 2 (1956): 365–371.
- LAITIN 1998 = LAITIN David D. *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. Ithaca, N. Y., 1998.
- LEMON 1996 = LEMON Alaina: Slurs, Socialism, and Civilization. *Transition* 1996/1: 25–27.
- PTOLEMAEUS 1845 = *Claudii Ptolemaei Geographia*. Vol. 2. Lipsiae, 1845.